

• •

[Stable URL: <http://elar.uni-yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/141>]

[:]

. . 2000:

//

.9. .- , , 29-39.

/ . . (.).

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

В. В. ДЕМЕНТЬЕВА (Ярославль)

ПРИМЕНЕНИЕ МАГИСТРАТУРЫ ВОЕННЫХ ТРИБУНОВ С КОНСУЛЬСКОЙ ВЛАСТЬЮ В РИМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

В период конституционного существования консулярного военного трибуната, на хронологическом отрезке в 78 лет (444–367 гг. до н. э.), политическая система Римской Республики включала в себя, по нашему убеждению, четыре высшие должности с империем: консулы (22 года общепризнанно отмечены их наличием, к которым мы добавляем еще как минимум 4¹), диктаторы (16 случаев применения магистратуры, зафиксированных для 15 лет), интеррексы (примерно 10 интеррегнумов разной продолжительности, точное число интерреков определить нельзя) и сами военные трибуны с консульской властью (их коллегии отмечены источниками в 51 году). Консулат использовался как ординарная должность для осуществления высшей исполнительной власти в обычных обстоятельствах; цели назначения диктаторов и интерреков как чрезвычайных магистратов мы рассматривали в соответствующих исследованиях². Теперь обратимся к анализу применения в государственной практике консульского трибуната, что позволит нам не только определить непосредственные потребности гражданского коллектива в данной коллегии, но и глубже понять характер магистратуры *tribuni militum consulari potestate*.

Начнем с того, что вопрос об использовании магистратуры консулярных военных трибунов часто был в Риме предметом общественных дискуссий. Тит Ливий вполне определенно рисует картину, согласно которой происходило столкновение сословных интересов по поводу осуществления высшей власти, — вручения ее консулам или консулярным военным трибунам. Основными политическими силами в этом противоборстве выступали, с одной стороны, сенат, от которого зависело, вводить или нет консулярный трибунат, а с другой стороны, плебейские трибуны, которые стремились оказать на сенаторов давление, не имея права наложить запрет на их действия. При этом, самое мощное средство воздействия — сопротивление набору войска — плебейские трибуны, чаще всего, использовать не могли, ибо набор проводился после избрания высших магистратов. Плебейские вожди в случае неблагоприятного для них политического расклада противодействовали созыву комиций, затягивая выборы, но такая затяжка могла привести к интеррегнуму. Интеррегнум, — период патрицианской монополии на высшую власть, поэтому в историографии нередко такой результат противостояния сенаторов и плебейских трибунов по поводу консулярного трибуната рассматривается как победа первых³. Действительно, на период интеррегнума вся полнота власти оказывалась в руках *patres*, однако из десяти интеррегнумов этого времени семь или восемь закончились избранием коллегии консулярных трибунов и только два или три — консулов. Причем, в коллегии 396 г. до н. э., избранной под председательством интеррека, было пять плебеев и один патриций (*CIL. Vol. 1. P. 18; Liv. V. 18. 1–2; Diod. XIV. 90. 1*); весьма вероятно наличие одного плебея в коллегии 387 г. до н. э. (*Liv. VI. 5. 7*), также приходившей к власти после интеррегнума, а, если считать, что в 444 г. до н. э. интеррегнум имел место не после, а до консулярного трибуната, то следует избрание в эту коллегию плебея (*Liv. IV. 7. 1*) рассматривать также осуществленным под руководством интеррека. Иначе говоря, подавляющее большинство междуцарствий изучаемого периода завершилось избранием не консулов, а военных трибунов с консульской властью, к тому же иногда и с участием плебейских представителей. Объяснить этот, казалось бы, странный факт можно тем, что, во-первых, компромиссы были необходимым условием самосохранения общины в ходе сословной борьбы, а во-вторых, сложность ситуаций, породивших интеррегнумы, требовала неординарного

способа дальнейшего их разрешения, в том числе и применением особой магистратуры. Заметим, подчеркивая внутреннюю взаимосвязь обоих этих факторов, что при обострении положения взаимные уступки были особенно насущны, а консульный трибунал являлся, безусловно, компромиссным политическим институтом.

Вероятно, плебейские трибуны, пытаясь нажимом на сенат добиться избрания консульных трибунов, обычно не стремились довести дело до междуцарствия (хотя, не исключено, что и не видели в нем особой беды). То, что не всегда им удавалось склонить сенаторов к постановлению о вручении власти консульным трибунам, подтверждают наши источники. Однако всегда ли плебейские трибуны активно добивались этого? Обратимся к объяснению Ливием (который единственный из античных авторов может нам в этом помочь) причин избрания не консульных трибунов, а консулов. В 444 г. до н. э. (отмеченном наличием и коллегии консульных трибунов, и консульской пары), по словам римского историка, плебейские трибуны, хотя они поначалу предлагали консульный трибунал, предпочли все же, опасаясь провала плебейских кандидатур на таких выборах, согласиться на избрание консулов (*Liv. IV 7. 8–9*)⁴ К тому же, они считали, что, к какой бы высшей должности не прибегла община, доверить ее в данный момент следует патрициям. Во время избирательной кампании высших магистратов на 442 г. до н. э., по утверждению Ливия, о военных трибунах никаких предложений в сенат не поступало, поскольку авторитет консульской власти был подтвержден деятельностью на благо граждан обоих сословий консула предыдущего года Тита Квинкция Капитолина (*Liv. IV. 10. 8–9*)⁵ В 441 г. до н. э. плебейский трибун Петелий заставил сенат обсуждать вопрос о том, консулов или консульных трибунов избирать на 440 г. до н. э., но положительного для плебеев решения не добился, поскольку была спокойная внутривнутриполитическая и внешнеполитическая обстановка (*Liv. IV 12. 1–5*)⁶ Выборы консулов на 437 г. до н. э. Тит Ливий обуславливает согласием народа и его трибунов с тем, чтобы вручить высшее государственное управление испытанным людям (*Liv. IV. 17. 7*)⁷ Во всех этих случаях прослеживается отсутствие явного стремления плебейских лидеров добиться перехода к консульскому трибунату, и одновременно нет намека на то, что к консулату прибегали как к антиплебейской мере. Тогда как, по мотивировке Ливия, наоборот, при выборах на 431 г. до н. э. сенат постановил избрать консулов, чтобы сдержать успехи плебейских трибунов (*Liv. IV. 25. 14*)⁸ Желанием предотвратить избрание плебеев в высшую магистратуру и боязнью масштабных мероприятий в пользу плебеев в случае функционирования консульного трибуната объясняет Ливий и принятие сенатского постановления (в удобный момент, при отсутствии в городе плебейских трибунов) об избрании консулов на 423 г. до н. э. (*Liv. IV. 36. 1–3*). В период избрания магистратов 413 г. до н. э. сенат также занял активную позицию, не желая выносить решение о выборах консульных трибунов, как отмечает Ливий, из-за опасений, что в их числе окажутся плебеи (*Liv. IV. 50. 7*)⁹ Сопроотивление плебейских вождей привело к междуцарствию, которое в данном случае закончилось все же приходом к власти консулов. Тот же мотив превентивных действий сената против избрания консульных трибунов звучит у Ливия применительно к выборам на 409 г. до н. э., на сей раз с конкретизацией, что сенаторы опасались плебейского трибуна Марка Менения, чья популярность, по их мнению, обеспечила бы ему место в коллегии *tribuni militum consulari potestate* (*Liv. IV. 53. 13*)¹⁰ Борьбой сената с плебейскими трибунами (вынесшими законопроект о переселении части римских граждан в Вейи) объясняется в тексте Ливия и избрание консулов на 393 г. до н. э., после пятнадцатилетнего перерыва (*Liv. V. 29. 1–2*)¹¹ На следующий же, 392 г. до н. э., консулы были избраны без противодействия плебеев, успокоенных решением о разделе между ними вейской земли (*Liv. V. 31. 1*)¹².

Таким образом, мы видим, что не всегда плебейские трибуны ставили целью добиться избрания военных трибунов с консульской властью, — они не выдвигали это требование в относительно спокойной внутривнутриполитической ситуации, при зати-

ше сословных конфликтов. Неиспользование консульского трибуната в отдельные годы следует объяснить не только и не столько недостаточностью «нажима» плебейских трибунов на сенат (тем, что они, как писал С. Стэвели, были «сравнительно тихи»¹³), а отсутствием потребности в этом «нажиме» из-за стабильности обстановки. При снятии остроты социальной напряженности консулат воспринимался плебеями и их вождями как нормальный орган управления общиной, тем более, если в нем оказывались заслуженные и умудренные политики. К тому же, шансов добиться консульского трибуната в условиях отсутствия военных действий и повода для обострения сословных конфликтов, как показывает пример плебейского трибуна Петелия, они практически не имели. Борьба за консульский трибунал ставилась во главу угла (и могла иметь реальные перспективы успеха) именно в моменты назревших патрицианско-плебейских противоречий, переход к которому мог бы их разрешить. Плебеи возлагали надежды на эту магистратуру как на средство, с помощью которого расширялись возможности осуществления сословных интересов. Патриции, в свою очередь, понимали, что консульский трибунал может служить действенным инструментом проплебейской политики, и, когда потенциальное его использование становилось для них опасным, руками сенаторов пытались этому воспрепятствовать. Подчеркнем еще раз, что противоборство не должно было перейти ту грань, за которой возобладали бы разрушительные для общины тенденции. Взаимные компромиссы, включавшие сам факт перехода к консульскому трибуналу, плебейское представительство в нем и политику избранных в него должностных лиц были жизненно необходимы.

Обратимся теперь к мотивировке Ливием избрания не консулов, а военных трибунов с консульской властью, которую он периодически также дает. Так, консульские трибуны на 438 г. до н. э. были избраны как реакция на убийство Спурия Мелия (*Liv. IV 16. 6*), обвиненного (что неоднократно практиковалось по отношению к плебейским вождям) в стремлении к царской власти (*Liv. IV 13. 8*). Коллегия консульских трибунов 433 г. до н. э. пришла к власти на волне плебейских побед, заключавшихся в ограничении срока цензорских полномочий полутора годами (*Liv. IV 25. 1*). На 432 г. до н. э. *tribuni militum consulari potestate* были избраны в чрезвычайной обстановке страшной эпидемии и страха перед голодом, так что Ливий пишет, используя характерный для него оборот: «о консульских комициях никакого предложения внесено не было» (*Liv. IV. 25. 4*)¹⁴. В 426 г. до н. э. военные трибуны получили консульские полномочия как закрепление успехов плебеев, настоявших на голосовании об объявлении войны Вейям в народном собрании (*Liv. IV. 30. 15–16*). Выборы военных трибунов с консульской властью на 420 г. до н. э. Ливий описывает как достижение сословного компромисса, на который патриции пошли в обмен на невмешательство плебейских трибунов в избрание четырех квесторов (*Liv. IV 43. 11–12*). Длительная борьба за консульский трибунал 408 г. до н. э. (поскольку началась она задолго до окончания предыдущего административного года, то плебейские трибуны могли в ее ходе даже оказывать сопротивление воинскому набору) привела к сенатскому решению об избрании желанной для плебеев коллегии (*Liv. IV 55. 5*), чему способствовали военные неудачи консулов предыдущего года (*Liv. IV. 55. 4*). Избрание военных трибунов с консульской властью на 407 г. до н. э. Ливий трактует как реакцию таких же должностных лиц предшествовавшей коллегии на назначение диктатора, лишившего их возможности добыть военную славу, — возобновив свою власть после сложения диктаторских полномочий, они проигнорировали возможность консульских выборов (*Liv. IV. 57. 9*)¹⁵. Суммирование имеющихся указаний Ливия на предпосылки избрания коллегий консульских трибунов, а не консулов, дает основание утверждать, что плебеи и их лидеры добивались этого в условиях, во-первых, явно выраженного недовольства деятельностью сената и патрицианских магистратов (в том числе и внутренней политикой, и военными поражениями, и личными амбициями); во-вторых, на гребне предшествовавших плебейских побед,

как развитие и закрепление их; в-третьих, как проявление взаимного компромисса, когда плебейские трибуны, в свою очередь, шли на уступки патрициям в других вопросах; в-четвертых, в обстановке стихийных бедствий, грозящих социальными осложнениями. Следовательно, плебеи реально получали желательную для них магистратуру консулярных трибунов только в чрезвычайной обстановке, в чем бы она ни выражалась: в подъеме сословной борьбы, военных неудачах или эпидемиях.

Более того, мы должны отметить, что, по свидетельству Ливия, сам сенат, а не плебейские трибуны, мог быть инициатором перехода к консулярному военному трибунату, когда обстановка крайне обострялась. Так, на 422 г. до н. э. сенат приказал избрать военных трибунов с консульской властью, негодую на действия консула предыдущего года Гая Семпрония Атрапина, поставившего государство на грань тяжелого военного поражения (*Liv. IV. 42. 2*)¹⁶

Итак, у нас складывается вполне определенное впечатление, что в Риме вопрос о применении консульского трибуната остро вставал и, тем более, положительно решался, только когда *civitas* переживала напряженные моменты. Стимулировали его использование, как правило, плебейские трибуны, действовавшие от имени своего сословия, которому был открыт доступ в эту магистратуру. В затруднительных для общины обстоятельствах патрицианские сенаторы не только соглашались на это, но, как показывает последний, приведенный нами, пример, могли и сами проявлять инициативу в передаче высшей власти консулярным трибунам.

Остановимся теперь на рассмотрении собственно деятельности *tribuni militum consulari potestate*. Не всегда мы можем судить о ней сколько-нибудь определенно; например, сведений о конкретных политических шагах данных магистратов 434 и 376 гг. до н. э. нет. Однако о мероприятиях членов этой коллегии большинства лет источники (по существу, один Ливий, да еще Диодор о периоде галльского нашествия, — *Diod. XIV 113–117*) нам все же сообщают с разной степенью детализации.

Систематизация сведений Ливия дает следующую картину. Фактически половина от общего числа коллегий консулярных трибунов должна была так или иначе реагировать на обострение сословных противоречий. Далеко не всегда Ливий прямо говорит о непосредственном вмешательстве консулярных трибунов в социальные конфликты, но в его описании не менее двадцати четырех лет из пятидесяти одного года, в которые они избирались, характеризуются межсословной конфронтацией. Изложим кратко ее проявления в годы консульского трибуната.

432 г. до н. э. — явная обстановка сословного напряжения, остро стоит проблема доступа плебеев к высшим должностям, в том числе избрания в консулярный трибунал (*Liv. IV 25. 9–14*). Нарастание противостояния по тому же поводу происходит и в 424 г. до н. э. Потенциальные плебейские кандидаты на должность консулярных трибунов обещали мероприятия в пользу плебеев (раздел общественного поля, вывод новых поселений, обложение налогом владельцев земель с целью выплат денег воинам), что заставило консулярных трибунов экстренно и тайно созвать сенат для принятия постановления об избрании консулов (*Liv. IV. 35. 5–11; 36. 1–2*). 422 г. до н. э. отмечен активностью плебейского трибуна Луция Гортензия, требовавшего суда над консулом предшествовавшего года Гаем Семпронием (*Liv. IV. 42. 3–9*), а 420 г. до н. э. — яростью плебейских трибунов по поводу неизбрания квесторами представителей их сословия (*Liv. IV. 44. 3–6*). Тот же 420 г. до н. э. (*Liv. IV 44. 7*), а также 417–414 гг. до н. э. связаны с обострением земельного вопроса. 417 г. и 416 гг. — раздоры, по определению Ливия, из-за земельных законов (*Liv. IV. 47. 7–8*). Плебейские трибуны требовали раздела захваченной у неприятеля земли между всеми плебеями поименно, консулярные военные трибуны пытались оказать им сопротивление (*Liv. IV. 48. 1–4.*), но не находили выхода из создавшегося положения (*Liv. IV 48. 4*)¹⁷ Только путем воздействия на часть плебейских трибунов удалось противостоять этим требованиям (интересно, что эти коллегии плебейских трибунов мотивировали запрет на предложения своих товарищей по должности угрозой распада *гбсу-*

дарству в случае принятия такого предложения — *Liv.* IV.48. 15). В 415 и 414 г. до н. э. плебейские трибуны, соответственно Луций Деций и Марк Секстий, выносили законопроекты о выведении поселенцев в Болы (*Liv.* IV 49. 6; 49. 11). Консулярные трибуны участвовали в дискуссиях по этому поводу; чаще всего Марк Секстий, чтобы возбудить неприязнь к патрициям, вызывал на словесные состязания военного трибуна Постумия (*Liv.* IV 49. 12)¹⁸ Начавшиеся волнения в военном лагере привели к тому, что Марк Постумий был побит камнями. Разгорелся конфликт между военными трибунами и плебейскими (первые потребовали расследования обстоятельств смерти их коллеги, вторые препятствовали этому); параллельно проходившие дискуссии вокруг вопроса о высших магистратах следующего года привели к междуцарствию (*Liv.* IV 50. 7–8).

Конец V в. до н. э. отмечен активизацией деятельности плебейских трибунов, выражавших недовольство плебейских масс, уставших от непрерывных войн. В 406 г. до н. э. на этой почве произошли волнения плебейской молодежи (*Liv.* IV. 58. 9–14); кроме того, плебейские трибуны не поддержали закон, предложенный сенаторами, чтобы воины получали жалованье из казны, полагая, что он приведет к дополнительному налоговому бремени (*Liv.* 59. 11–60. 4). В 403 г. до н. э. плебейские трибуны протестовали против строительства зимнего лагеря под Вейями (осада надолго бы отвлекла молодежь от участия в общественной жизни — *Liv.* V. 2. 1–8), нападая на военных трибунов с консульской властью, что именно они хотят сделать воинскую службу вечной (*Liv.* V. 2. 9–10). Жесткая позиция по отношению к военным трибунам со стороны плебейских (вплоть до угрозы заточения) имела место и в 402 г. до н. э., преследовавшая в данном случае цель заставить высших магистратов подчиниться решению сената о их досрочной отставке из-за военных поражений (*Liv.* V 9. 4). В 401 г. до н. э. плебейские трибуны собирали народ на сходки, выступая против затягивания войны и плохого ее ведения, платы воинам, установленной, чтобы, как они утверждали, «известить одних службой, а других — податями» (*Liv.* V. 10. 6). Бушевали также общественные страсти вокруг возможности пополнения числа плебейских трибунов из патрициев (*Liv.* V. 10–11), в выступлениях говорилось о попрании священных законов и растоптанной власти плебейских трибунов (*Liv.* V 11. 3). Нагнетался ажиотаж и вокруг суда над консулярными трибунами предшествовавшего года (*Liv.* V. 11. 4–11). Некоторая разрядка напряженности наметилась только в 400 г. до н. э., когда на радостях от избрания плебея в консульский трибунат плебейские трибуны уступили в вопросе о подати, не возражая против ее сбора (*Liv.* V. 12. 13).

Первая треть IV в. до н. э., на протяжении которой консульские военные трибуны избирались регулярно, за исключением 393 и 392 гг. до н. э., ознаменована дальнейшим нарастанием сословного противостояния. Для 397 г. до н. э. Ливий отмечает столкновения патрициев и плебеев, порождавшие беспокойную обстановку в Риме (*Liv.* V 16. 2); противодействие плебейских трибунов воинскому набору, проводившемуся консулярными трибунами (*Liv.* V 16. 5). Беспокойным внутренним положением характеризовался и 395 г. до н. э. — распри в городе из-за раздачи земли в колониях на территории вольсков (*Liv.* V 24. 4) и борьба вокруг предложения о переселении части граждан в Вейи (*Liv.* V 24. 5–8; 25. 1). Земельный вопрос выдвигался плебейскими трибунами, собиравшими народ на сходки, в 388 и 387 гг. до н. э. (*Liv.* VI. 5. 1–5; 6. 1). 385 и 384 гг. до н. э. — движение Марка Манлия за решение долговой проблемы и другие меры в пользу плебеев (*Liv.* VI. 11. 7–9; 18. 1–2). Долговой вопрос был одной из причин активных действий плебейских трибунов 380 г. до н. э.; кроме того, они выступали против неизбрания цензоров и постоянных войн (*Liv.* VI. 27. 6–8). Из-за роста задолженности в этом же году в Риме происходили волнения (*Liv.* VI. 27. 9–11), отмеченные Ливием и в 378 г. до н. э. (*Liv.* VI. 31. 1–2). Плебейские трибуны оказывали сопротивление набору, чтобы добиться отсрочки уплаты налогов и приостановки судебных исков о дол-

гах (*Liv. VI. 31. 4*). В 377 г. до н.э. крайнее обострение долгового вопроса привело к политической апатии масс (*Liv. VI. 34. 1–5*). Но в 375 г. до н. э. плебейские трибуны Гай Лициний и Луций Секстий предложили свои известные законопроекты о снятии долгового бремени, о земельном ограничении и о паритете сословного представительства в консулате (*Liv. VI. 35. 4–5*). После пятилетнего, по Ливию, отсутствия высших магистратов, при возобновлении консулярного трибуната, с 369 по 367 гг. до н. э. продолжалась упорная борьба по поводу законов Лициния — Секстия (*Liv. VI. 36. 7; 38. 3*), закончившаяся их принятием и ликвидацией должности военных трибунов с консульской властью.

Таким образом, на период существования консулярного трибуната приходится важный этап сословной борьбы патрициев и плебеев, в ходе которой эта магистратура возникла, была объектом столкновения интересов при переходе к ней, рассматривалась как отвечающая чаяниям плебеев, имевших в нее доступ, и к ней община прибегала в случаях обострения конфликтов. Но, что весьма интересно, в момент нахождения консулярных военных трибунов у власти они неоднократно оказывались подвержены нападкам плебейских трибунов как носители верховных полномочий, которые во многом определяли государственную, в том числе и социальную политику. Недовольство этой политикой проявлялось в критике деятельности консулярных трибунов, а те, в свою очередь, должны были исходить из интересов общины в целом, оказывать сопротивление наиболее радикальным шагам плебейских трибунов (например, проводить набор в условиях военной опасности, несмотря на противодействие ему). К тому же, патрицианские, по преимуществу, коллеги консулярных трибунов в своих мероприятиях иногда ставили на первый план интересы своего сословия (424 г. до н. э. и др.). Все это приводило к неоднозначной роли изучаемой магистратуры в конкретных событиях сословного противостояния, но не приходится сомневаться, что в стороне от них она не стояла, и в целом, была призвана, смягчая конфликты, быть стабилизирующим фактором римской *civitas*.

Рассмотрим теперь другую, не менее важную, сторону применения на практике должности *tribuni militum consulari potestate*, — проведение военных действий. С этой целью сжато перечислим основные военные события, приходящиеся на время нахождения у власти консулярных трибунов. Впервые они зафиксированы у Ливия для 426 г. до н. э., когда консулярные трибуны вели войну с Вейями, демонстрируя, как вредно на войне наличие многих высших руководителей (*Liv. IV. 31. 2–3*), что заставило общину прибегнуть к диктатуре. В 418 г. до н. э. двое из трех консулярных трибунов вели военные действия с жителями г. Лабики (*Liv. IV. 45. 7–8*); соперничество между военачальниками, поражение войск под руководством консулярного трибуна Луция Сергия Фидената имели следствием назначение диктатора (*Liv. IV. 46. 1–10*). На 415 г. до н. э. приходится война с жителями Лация боланцами (*Liv. IV. 49. 3–5*), а на 414 г. до н. э. — с эквами, которой руководил военный трибун Марк Постумий Регилльский (*Liv. IV. 49. 8*), одержавший победу над Болами, но озлобивший войско (*Liv. IV. 49. 9–10*). Войной с эквами отмечен также 408 г. до н. э., в котором воевали еще и с вольсками, в конечном счете предоставив командование диктатору (*Liv. IV. 56. 4–8*). Вольски выступают в описании Ливия главным врагом и в 407 г. до н. э. (*Liv. IV. 58. 3*); консулярные военные трибуны допускают ошибку, промедлив с посылкой подкреплений. (*Liv. IV. 58. 4*).

В 406 г. до н. э. начинается война с вейянами (*Liv. IV. 58. 6*), дополненная тем, что военным трибунам поручили возглавить нападение на земли вольсков (*Liv. IV. 59. 1*). На следующий, 405 г. до н. э., консулярные трибуны организуют осаду Вейи (*Liv. IV. 61. 1*). Именно с этим фактом исследователи обычно связывают увеличение числа коллег до шести человек, но сам Ливий об этом не пишет, хотя и называет шесть имен. Осада продолжалась не слишком успешно в 404–396 гг. (*Liv. IV. 61. 3–10; V. 1. 1; V. 8. 2; V. 13. 9; V. 14. 6; V. 16. 1*), а в 402 г. до н. э. консулярные трибуны потерпели даже позорное поражение, после которого сенаторы потребовали немедленно их

переизбрать (*Liv. V. 9. 1*). Наконец, провозглашенный диктатором Марк Фурий Камилл взял Вейи (*Liv. V. 18. 7–9*). Пока длилась осада Вей, консульские трибуны вели также военные действия с вольсками в 404 и 401 гг. до н. э. (*Liv. V. 61. 3–10; V. 10. 2*), с жителями Капен в 401, 398, 397, 396 гг. (*Liv. V. 10. 2; V. 14. 6; V. 16. 1; V. 18. 7–9*;) и Фалерий в 401, 398 гг. до н. э. (*Liv. V. 10. 2; V. 14. 6*), с фалисками в 399, 397 и 396 гг. до н.э. (*Liv. V. 13. 9; V. 16. 1; V. 18. 7–9*). С капенцами и фалисками консульские трибуны воевали также в 395 г. (*Liv. V. 24. 1–3*); с последними сражался и в следующем году избранный на 394 г. до н. э. консульским трибуном Камилл (*Liv. V. 26. 3*). Его коллеги Гай Эмилий и Спурий Постумий руководили операциями против эквов (*Liv. V. 28. 5–12*). В 391 — консульские трибуны осуществляли военные действия против вольсинийцев и саппинатов (*Liv. V. 32. 2*).

390 г. до н. э. принес тяжесть галльского нашествия и поражение римского войска под руководством консульских трибунов; избрание Камилла диктатором привело к спасению родины. (*Liv. V. 37–39; 46; Diod. XIV 113–116*). 389 г. до н. э. — активизировались вольски и этруски (*Liv. VI. 2. 1; Diod. XIV 117*), а после отпадения союзников, латинов и герников, опять назначили диктатором Камилла. В 388 г. до н. э. произошло взятие консульскими трибунами этрусских городов, опустошение территории эквов (*Liv. VI. 4. 8*). В 386 г. до н. э. военные действия велись против жителей Антия, этрусков и эквов (*Liv. VI. 6–10*), а в 385 и 383 гг. до н. э. против вольсков. (*Liv. VI. 11. 2; VI. 21. 2*). 382 г. до н. э. отмечен военными походами консульских трибунов против Велитр и пренестинцев (*Liv. VI. 22. 1–4*), с последними воевали также в 380 г. до н. э. (*Liv. VI. 28. 1–2*), когда срочно пришлось провозглашать диктатора. Войны с вольсками зафиксированы Ливием в 381 г. до н. э. (поручена вне очереди Марку Фурию Камиллу и по жребию — Луцию Фурию — *Liv. VI. 22. 6*), 379 г. до н.э. (*Liv. VI. 30. 3*), 378 г. до н. э. — (*Liv. VI. 31. 3*), 377 г. до н. э., дополненная военными действиями с латинами (*Liv. VI. 32. 4–5*). Наконец, начавшаяся в 370 г. до н.э. осада Велитр продолжалась и при консульских трибунах последних трех лет существования этой магистратуры (*Liv. VI. 36. 4–5; 36. 6; 42. 4*).

Итак, получается, что тридцать пять лет из приходящихся на конституционную жизнь консульского трибуната пятидесяти одного года были сопряжены с военными действиями, то есть более двух третей всех коллегий данных магистратов руководили походами и сражениями. Относительно мирными годами могут считаться 444, 438, 433, 432, 425, 424, 422, 420, 419, 417, 416, 387 и 384 гг. до н. э. Этот перечень лет, в которых, по нашим представлениям, отсутствовали активные военные действия, совпадает с аналогичным списком Р. Ридли¹⁹ Немного менее полный список мирных лет с консульским трибунатом содержится в статье С. Стэвели (438, 434, 433, 432, 425, 424, 420, 419, 417, 416, 384 гг. до н.э)²⁰ Предлагаемый Э. Ференци другой вариант его (422, 420, 419, 418, 417, 416, 415, 414 гг. до н. э.) не кажется нам верным и полным, ибо 415 и 414 гг. отмечены у Ливия, как мы видели, военными сражениями, тогда как ряд лет, для которых военные действия не упомянуты, в перечень Э. Ференци не включены²¹ В двух годах из перечисленных нами консульские трибуны целенаправленно предотвращали военные действия. По свидетельству Ливия, в 444 г. до н. э. благодаря деятельности военных трибунов с консульской властью был установлен мир (*Liv. IV. 7. 1*)²², хотя одновременно он упоминает в предыдущем году войну с эквами и вольсками, оставляя не вполне ясным, прекратилась ли она до начала следующего административного года (*Liv. IV. 7. 2*). В 425 г. до н. э. военные трибуны заключили перемирие с вейянами на 20 лет, с эквами — на три года (*Liv. IV. 35. 2*).

Еще как минимум четыре года из приведенного списка могут быть отнесены к тем, когда угроза войны была совершенно определенной. В 438 г. до н. э. произошло отпадение Фиден, убийство римских послов, опасность войны с фиденянами и вейянами была реальной (*Liv. IV. 17. 1–6*). В 432 г. до н. э. вольски, эквы и этруски обсуждали вопрос о военных действиях против Рима, но они были отложены на год

(*Liv. IV 25. 7–8*). Эквы в союзе с латинами г. Лабики готовились к войне с римлянами в 419 г. до н. э.; консульские трибуны посылали послов в Лабики и поручили тускуланцам следить за подготовкой жителей Лабик к войне (*Liv. IV 45. 3–4*). Со стороны этрусков угроза войны нависла в 387 г. до н. э., кроме того, сами римляне вынашивали планы военных мероприятий против герников и латин (*Liv. VI. 6. 2*).

Следовательно, из тринадцати мирных лет с консульским трибуналом, шесть характеризуются либо нависшей опасностью войны и подготовкой к ней, либо мерами, предотвращавшими ее. Иначе говоря, сфера *militiae* не была вне внимания консульских трибунов даже в годы относительного военного затишья, и, в совокупности, более сорока их коллегий в той или иной степени и форме были задействованы на этом поприще.

Интерес представляет сопоставление перечня мирных с точки зрения внешнеполитического положения лет с годами обострения социальных противоречий. Картина вырисовывается следующая: 444 г. до н. э. — консульские трибуны впервые приходят к власти в результате успеха плебеев, получивших серьезную уступку от патрициев; 432, 425, 424, 422, 420, 419, 417, 416, 387 и 384 гг. до н. э. — все отмечены обострением сословной борьбы (см. выше), то есть были далеко не мирными с точки зрения внутреннего положения. Получается, что только для 438 и 433 гг. до н. э. у нас нет сведений ни о военных действиях консульских трибунов, ни о межсословных конфликтах, к которым они неминуемо бы имели отношение. Но в 438 г. до н. э. угроза военных действий нависла вполне ощутимо, что допускает трактовку избрания консульских трибунов этого года для военных целей. Информация же о деятельности военных трибунов с консульской властью в 433 г. до н. э. столь скудна, что, вероятнее всего, не отражает ее всесторонне. В любом случае, можно с уверенностью утверждать, что первоочередными задачами непосредственной деятельности консульских трибунов было решение вопросов, связанных с военными действиями и урегулированием социально-политических конфликтов внутри общины. Вероятно также, что потребность их решения и заставляла гражданский коллектив использовать именно эту магистратуру: численно подвижная, она могла обеспечить командующими большее количество театров военных действий; компромиссная по своей сути, она могла быть гораздо более полезной для снятия крайних проявлений сословной борьбы. Поэтому неудивительно, что на нее возлагались особые надежды. Другое дело, — всегда ли эти надежды оказывались оправданными.

Анализ результатов военной деятельности консульских трибунов был проведен Рональдом Ридли, мы в данном случае сошлемся на его вывод²³ Военные трибуны с консульской властью часто терпели серьезные поражения: от вейян (426, 403, 402 гг. до н. э.), эквов (418), фалисков (396), вольсков (379), и самое тяжелое от галлов (390). Победы же их Ливий обычно характеризует как незначительные: они выиграли сражения у эквов (414, 394), вольсков (406), фалисков (399), вольсинийцев (391), под Велитрами (382), у латин (377). Две осады, которые предприняли консульские трибуны, Вей и Велитр, также были далеко не блестящими. Неэффективность и опасность множественного империя на войне Ливий особенно подчеркивал (*Liv. IV. 31. 2; IV 46. 10*)²⁴ Замена консульских трибунов в роли главнокомандующих на единоличного диктатора, имевшая место свыше десятка раз, уже отмечалась нами. Применение магистратуры *tribuni militum consulari potestate* в условиях военного времени, в целом, по всей видимости, себя не оправдало. Практика показала, что эксперимент консульского трибуната с точки зрения исхода военных кампаний не дал ожидаемого результата; военная эффективность диктатуры в критических обстоятельствах оказалась несравненно выше, что, вероятно, и привело к ее сохранению, тогда как консульский трибунал был упразднен. Что касается использования магистратуры консульских трибунов как инструмента снятия социального напряжения, то действительность его была, судя по всему, гораздо ощутимее, чем в военной области. Сам факт перехода к консульскому трибуналу в условиях сословной борьбы мог

погасить вспышку недовольства, тем более этому способствовало избрание в коллегию плебеев, не говоря уже о более гибкой социальной политике, которую данные магистраты имели возможность проводить. Как компромиссный орган высшей исполнительной власти консулярный трибунал не только сам стал вехой в сословной борьбе, но способствовал закреплению и других ее результатов.

Внутриполитические мероприятия консулярных военных трибунов не ограничивались участием в обсуждении сословных проблем и поиском их решений. Как и другие высшие магистраты, они должны были заниматься административными вопросами. Так, в 433 г. до н.э. в обстановке эпидемии чумы и голода они организовали экспедицию за хлебом на Сицилию (*Liv. IV 5. 4*), в 424 г. до н.э. военные трибуны устроили игры, обещанные во время войны, собравшие много соседей (*Liv. IV. 35. 3*), в 396 г. до н.э. проводили Латинские игры (*Liv. V 19. 1*). После галльского вторжения консулярные трибуны в 389 г. до н.э. были заняты сбором уцелевших от пожара договоров и законов. Естественно, что обычные их обязанности включали в себя, как и у других магистратов с империем, прием послов (*Liv. IV. 45. 5*), проведение избирательных кампаний низших магистратов (*Liv. IV. 44. 2*). Им приходилось сталкиваться и с проявлениями не патрицианско-плебейских, а иных социальных конфликтов: в 419 г. до н.э. рабы, по свидетельству Ливия, сговорились поджечь город одновременно в разных местах, но не смогли свой план осуществить (*Liv. IV 45. 1–2*). Таким образом, в гражданско-административной сфере военные трибуны с консульской властью занимались текущими неотложными вопросами, как и другие ординарные и чрезвычайные магистраты. Нам не кажется верным утверждение Энн Боддингтон, что шесть держателей империя были ценны в условиях военного времени, но шесть должностных лиц, занятых внутренними делами, могли причинить административный хаос²⁵. О том, что римская община уже испытывала потребность в более чем двух должностных лицах, свидетельствует создание претуры после упразднения консульского трибунала, увеличение количества должностей и численности магистратов на протяжении IV в. до н.э. Принимая во внимание слова Теодора Моммзена, что введением претуры «достигалась изначальная цель консулярного трибунала, *in plures distributum consulare imperium*, но другим путем и через постоянный орган»²⁶, можно отнести возникновение потребности в увеличении числа высших магистратов к середине V в. до н.э.

Итак, анализ использования магистратуры консулярных военных трибунов в государственной практике римской общины, конкретных действий данных магистратов позволяет сделать вывод, что должность *tribuni militum consulari potestate* всегда применялась в обстановке внешних войн или внутренних социально-политических осложнений (а нередко при сочетании того и другого), то есть в условиях повышенной опасности, иначе говоря — чрезвычайных. То, что весь период конституционной жизни консулярного трибунала являлся предельно насыщенным как военными действиями, так и сословными конфликтами, не опровергает этот тезис, а, наоборот, подтверждает его, ибо именно в такой период магистратура консулярных трибунов была создана и оказалась постоянно востребованной. При этом она не вытеснила консулат, который один оставался высшей ординарной должностью, но применялся сравнительно нечасто, поскольку весьма редко римская община в это время жила относительно спокойно. После принятия законов Лициния — Секстия изменилось внутреннее социальное положение, так как были удовлетворены важнейшие экономические и политические требования плебеев; отношения в гражданском коллективе перестали постоянно порождать экстремальную ситуацию. Высвобождение консулов от обязанностей судопроизводства при создании претуры расширило для них возможности военного командования, которое, к тому же, можно было при необходимости поручить также и претору. В случае же критического военного положения и консулы, и претор подчинялись диктатору, чем достигалось сочетание нескольких опытных полководцев с необходимым единоначалием в руководстве войском. Кон-

сулярный трибунат во многом способствовал этим, проведенным в 60-х гг. IV в. до н. э., социально-политическим и конституционным изменениям, продемонстрировав плюсы и минусы своего функционирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 444, 434, 432, 426 гг. до н. э.
2. Деметьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.). Ярославль, 1996. С. 39-58; Деметьева В. В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 43-52, 93-112.
3. Adcock F. E. Consular Tribunes and Successors //The Journal of Roman Studies. 1957. Vol. 47. P. 11; Ridley R. T. The «Consular Tribunate»: The Testimony of Livy //Klio. 1986. Bd. 68. P. 452.
4. Interrex ac senatus, consulum comitia, tribuni plebis et plebs, tribunorum militum ut habeantur, tendunt. Vicere patres, quia et plebs, patriciis seu hunc seu illum delatura honorem, frustra certare supersedit, et principes plebis ea comitia malebant, quibus non haberetur ratio sua, quam quibus ut indigni praeterirentur. Tribuni quoque plebi certamen sine effectu in beneficio apud primores patrum reliquere. (Интеррекс и сенат добивались созыва консульских комиций, плебейские трибуны и плебеи выборов военных трибунов. Победить удалось патрициям, потому что плебеи, намереваясь предоставить патрициям либо ту, либо другую должность, отказались от напрасного спора, и лидеры плебеев предпочли те комиции, к которым не имели бы отношения, тем, в которых их бы превзошли как недостойных. И трибуны плебеев оставили безрезультатную борьбу, благоволя знатым патрициям.)
5. ..tribunorum militarium nulla mentio his consulibus fuit.. (.никаких предложений о военных трибунах при этих консулах не было..)
6. Causa seditionum nequiquam a Poetelio quaesita, qui tribunus plebis iterum ea ipsa denuntiando factus.. et cum magno certamine obtinuisset ut consulerentur patres, consulum an tribunorum placeret comitia haberi, consules creari iussi sunt; ludibrioque erant minae tribuni denuntiantis se dilectum impediturum, cum quietis finitimis neque bello neque belli apparatu opus esset. (Однако напрасно искал повода к раздорам Петелий, который опять был избран трибуном плебеев за эти самые требования.. и когда упорной борьбой настоял, чтобы отцы совещались, проводить комиции по выборам консулов или, лучше, может быть, трибунов, те приказали избирать консулов; и насмешками были встречены угрозы трибуна затруднить набор, так как на границах был мир и ни в войне, ни в подготовке к войне не было необходимости.)
7. Itaque ad curam summae rerum quies plebe tribunis que eius, nihil controuersiae fuit quin consules crearentur M. Geganius Macerinus tertium et L. Sergius Fidenas. (Итак, в заботе о высшем государственном деле, при спокойствии плебса и его трибунов не было никакого спора о том, чтобы были избраны консулы М. Геганий Мацерин, в третий раз и Л. Сергий Фиденат).
8. ..apparebatque inritatis animis plebem ad suos studia inclinaturam. Quae ne libera essent, senatus consultum factum est ut consularia comitia haberentur. (.в раздражении плебеи были склонны проявить преданность своим. Чтобы не дать им свободы выбора, был принят сенатусконсульт о проведении консульских комиций.)
9. Sed ea contentio ex certamine alio pendeat quod cura incesserat patres ne metu quaestionum plebs iraque tribunos militum ex plebe crearet, tendebantque summa ope ut consules crearentur. (Впрочем, эта борьба произошла из другого соперничества, а именно из-за того, что патриции были озабочены, как бы плебс, в страхе и злобе на следствие не избрал военных трибунов из плебеев, и стремились, прилагая максимум усилий, чтобы были избраны консулы.)
10. ..et tamquam haud dubius inter tribunos militum honos Meneni si peteret consularibus comitiis est exclusus. (.и, казалось, что если только Менений не будет колебаться, то, конечно, получит почетную должность среди военных трибунов; чтобы исключить это, были назначены консульские комиции.)
11. ..quem dolorem ultri patres sunt senatus consulto facto ut consules.. (.за это оскорбление патриции отомстили сенатусконсультом об избрании консулов..)

12. *Ео munere delenita plebe nihil certatum est quo minus consularia comitia haberentur.* (Успокоенный этим даром плебс не стал особенно сопротивляться проведению консульских комиций.)
13. *Staveley E. S.* The Significance of the Consular tribunate //The Journal of Roman Studies. 1953. Vol. 43. P. 32.
14. *Consularium comitorum nulla mentio habita est..*
15. *Tribuni militum, mentione nulla comitorum consularium habita, credo, ob iram dictatoris creati, tribunorum militum comitia edixerunt.* (Военные трибуны, не сделав никакого предложения о проведении консульских комиций, - я полагаю в гневе на назначение диктатора, - объявили комиции по выборам военных трибунов.)
16. *...senatus cum odio Semproni consulare nomen offenderet, tribunos militum consulari potestate creari iussit.* (...сенат из-за ненависти к Семпронию нанес удар по консульскому званию и приказал избрать военных трибунов с консульской властью.)
17. *Nec tribuni militum, nunc in senatu, nunc [in] conciliis privatis principum cogendis, viam consilii inveniebant..* (Теперь же военные трибуны ни в сенате, ни на частных собраниях знати, не находили пути решения..)
18. *..neminem ex collegio tribunorum militum saepius quam Postumium in disceptationem trahebat.* (...никого из коллегии военных трибунов, чаще чем Постумия, на дебаты не приводил.)
19. *Ridley R. T.* The «Consular Tribune»: The Testimony of Livy.. P. 456.
20. *Staveley E. S.* The Significance of the Consular tribunate... P. 32.
21. *Ferency E.* From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976. P. 35.
22. *..quorum in magistratu concordia domi pacem etiam foris praebuit.* (...в бытность которых магистратами было обеспечено согласие на родине, а также мир за ее пределами.)
23. *Ridley R. T.* The «ConsularTribunate»: The Testimony of Livy.. P. 459.
24. *..tres dilectu habito profecti sunt Veios, documentoque fuere quam plurium imperium bello inutile esset.* (...трое, произведя набор, отправились к Вейям и явили поучительный пример того, как множественный империй на войне вреден.)
25. *Boddington A.* The Original Nature of the Consular Tribune //Historia. 1959. Bd. 8. P 363.
26. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. 2. Leipzig, 1974. S. 175.

V V Dementieva

APPLICATION OF MAGISTRACY OF THE MILITARY TRIBUNES WITH CONSULAR POWER IN THE ROMAN STATE PRACTICE

The author aims at analysing the application of 'consular tribunate' in the political life of Roman civitas. The most important conclusions are as follows: a) the office of tribuni militum consulari potestate was always applied in troublesome times, viz. external wars or internal social conflicts; b) the establishment of the consular tribunes' collegium was more important for settling social conflicts that for the military sphere.

